

Экзистенциальный анализ Людвиг Бинсвангера как метод философско-антропологического исследования литературы

В. В. Дементьева

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Версия экзистенциального анализа, разработанная Людвигом Бинсвангером, представляет интерес как метод философско-антропологического исследования литературы. Вдохновленный учениями Канта, Гуссерля и Хайдеггера (а также Фрейда, Шелера и Бубера), Бинсвангер создал «антропологический тип научного исследования», направленный на изучение сущности человеческого бытия.

Содержание. Экзистенциальный анализ Бинсвангера близок проблемному полю философии и антропологии. Преодолевая характерное для науки разделение на субъект и объект посредством введения заимствованного у Хайдеггера понятия *бытие-в-мире*, Бинсвангер создает «феноменологическую антропологию», являющуюся толкованием актуального человеческого существования на онтико-антропологическом уровне. В отличие от Хайдеггера, Бинсвангер исследует человека, а не бытие вообще. Экзистенциальный аналитик работает не только с историей пациента, полученной в результате опроса, но и с биографическими источниками: дневниками, стихотворениями, письмами. Представляется возможным использовать метод экзистенциального анализа для философско-антропологического исследования литературы. На примере романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка», следуя методу Бинсвангера, выявляющего миры, в которых живет и действует человек, можно выделить три мира героя: мир рабочих и слуг, мир богатых и знаменитых, мир воинов и революционеров. Каждый мир обладает своими пространственными и временными характеристиками.

Выводы. Метод экзистенциального анализа приложим к философскому исследованию литературы. При его использовании возможны не только литературоведческий анализ, но и философско-антропологическое изучение человека, обращение к полной жизненной истории героя литературного произведения.

Ключевые слова: Бинсвангер, экзистенциальный анализ, феноменология, антропология, экзистенция, литература, Лимонов.

Для цитирования: Дементьева В. В. Экзистенциальный анализ Людвиг Бинсвангера как метод философско-антропологического исследования литературы / В. В. Дементьева // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 1. – С. 75–85. DOI 10.35231/18186653_2022_1_75

Ludwig Binswanger's existential analysis as a method of philosophical and anthropological study of literature

Vera V. Dement'eva

*Saint-Petersburg State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The version of existential analysis developed by Ludwig Binswanger is of interest as a method of philosophical and anthropological research of literature. Binswanger was inspired by the philosophy of Kant, Husserl and Heidegger (as well as Freud, Scheler and Buber) and created an “anthropological type of research” for studying human existence.

Content. The existential analysis of Binswanger is close to the problematic field of philosophy and anthropology. Binswanger uses the *being-in-the-world* concept to solve the problem of duality of subject and object. Binswanger creates a “phenomenological anthropology”, which is an interpretation of actual human existence at the ontic-anthropological level. Binswanger explores human being, not being in general as Heidegger do. An existential analyst uses not only the patient's history as a result of a medical examination, but also biographical sources: diaries, poems, and letters. It seems possible to use the method of existential analysis for the philosophical and anthropological study of literature. In the analysis of the Limonov's novel “It's Me, Eddie” we follow Binswanger's method of identifying the worlds in which a person lives and acts. Three worlds of the character can be distinguished: the world of workers and servants, the world of the rich and famous and the world of warriors and revolutionaries. Each world has its own dimensional and temporal characteristics.

Conclusions. The existential analysis method is applicable to the philosophical study of literature. When using it, not only literary analysis is possible, but also philosophical and anthropological study of a person, an appeal to the full life history of the hero of a literary work.

Key words: Binswanger, existential analysis, phenomenology, anthropology, existence, literature, Limonov.

For citation: Dement'eva, V. V. (2022). Ekzistentsial'nyj analiz Lyudviga Binsvanger'a kak metod filosofsko-antropologicheskogo issledovaniya literatury [Ludwig Binswanger's existential analysis as a method of philosophical and anthropological study of literature]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. pp. 75–85. (In Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_1_75

Введение

Экзистенциальный анализ, возникший как направление в сфере психиатрии и психологии, за прошедшее столетие претерпел немало изменений, хотя и поныне существует как психологическая и психоаналитическая практика. С момента своего возникновения он разделился на несколько течений, основными из которых стали варианты Людвиг Бинсвангера и Медарда Босса. Вариант Босса ближе и точнее интерпретирует философию Хайдеггера, вдохновившую обоих

психиатров, но теория Бинсвангера более самобытна (и хронологически первична), хотя слабо оформлена институционально – это скорее теоретическое направление [см.: 5, с. 325]. В целях философского исследования логичнее будет уделить больше внимания варианту экзистенциального анализа в версии Бинсвангера.

Содержание исследования

Швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер родился 13 апреля 1881 года. Еще в гимназии он увлекся идеями Иммануила Канта, которые использовал в своем творчестве и в дальнейшем. Но важнейшими источниками философского вдохновения для теории Бинсвангера стали концепции Эдмунда Гуссерля и Мартина Хайдеггера, хотя он явно испытал влияние Макса Шелера и Мартина Бубера. Важно отметить и увлечение Бинсвангера психоанализом – он стал не только учеником, но и другом Зигмунда Фрейда. Однако фрейдовская концепция человека не удовлетворяла Бинсвангера, так как являлась, во-первых, частной естественнонаучной доктриной, не дающей всестороннего понимания человеческого «Я», а во-вторых, не обладала необходимой философской методологией [см.: 5, с. 340; 12, р. 199]. Фрейд, по мнению Бинсвангера, занимался теоретическим анализом, а не антропологией, которая привлекала самого Бинсвангера.

Концепция экзистенциального анализа Бинсвангера проблемно близка полю философии – и философской антропологии, в частности. Будучи сосредоточен на философской методологии своего учения, он пытался разрешить главную, на его взгляд, проблему науки и философии: разделение на субъект и объект. Наука, по мнению Бинсвангера, сводит все многообразие проявлений человеческой экзистенции к оторванному от мира субъекту, отчего становится непонятно, как живет и функционирует этот субъект, как он встречается с миром и взаимодействует с другими субъектами [4, с. 5]. Решить эту проблему он предлагает с помощью своего экзистенциального анализа посредством внедрения понятия *бытия-в-мире* как трансценденции. Бытие-в-мире означает для Бинсвангера *существование*, единство существования и мира, которое должно заменить существующее в философии расщепление бытия на субъект и объект [4, с. 5–6].

Сам Бинсвангер называет экзистенциальный анализ «антропологическим типом научного исследования» [4, с. 3] и отмечает, что название для своего метода, а также его философское основание он позаимствовал у Хайдеггера. Но сразу делает оговорку, проводя линию различия между своим подходом и теорией Хайдеггера – между антропологией и онтологией, в то же время отделяя

себя и от философской антропологии. Экзистенциальный анализ, как пишет Бинсвангер, «не онтология и не философия, следовательно, его нельзя определять как *философскую антропологию* <...> единственное подходящее в данной ситуации название – *феноменологическая антропология*» [4, с. 3].

Бинсвангер подчеркивает, что экзистенциальный анализ – это не экзистенциальная аналитика Хайдеггера, это скорее толкование на онтико-антропологическом уровне, анализ актуального человеческого существования. Он добавляет в онтологию Хайдеггера онтический уровень и этим совмещением онтологии и онтики вводит свою концепцию в психиатрическую науку, добавляя ей практическое измерение. Об этом же «движении» между онтологией и антропологией говорит и Мишель Фуко в предисловии к французскому переводу статьи Бинсвангера «Сон и существование», отмечая, что Бинсвангер «лавирует» между антропологией и онтологией, и взаимоотношения фундаментальной онтологии и антропологии в его творчестве не так просты:

«Ничего не может быть более ошибочным, чем увидеть в анализе Бинсвангера “приложение” концепта и методов философии существования к “данным” клинического опыта. <...> ...экзистенциальный анализ Бинсвангера избегает всякого априорного различия между онтологией и антропологией. Он избегает его, не отменяя при этом вовсе и не признавая его вовсе невозможным...» [11, с. 87].

Неудивительно, что подобная трактовка и использование дазайн-аналитики Хайдеггера вызвала резкую критику как самого Хайдеггера, так и экзистенциальных аналитиков. И Хайдеггер, и его последователь психиатр Медард Босс, резко отличавший свой метод от бинсвангеровского и считавший, что он понял Хайдеггера правильнее и непосредственнее, не приняли этого смещения с онтологического уровня на онтико-антропологический. С ними отчасти согласен и Джейкоб Нидлман, отмечающий, что Бинсвангер говорит скорее о том или ином *Dasein*, в то время как Хайдеггер говорит о *Dasein* вообще, и концепция Хайдеггера – это исследование бытия, а не человека, как у Бинсвангера [9, с. 117].

На наш взгляд, такое смещение уровня исследования является не трагичным недопониманием философии Хайдеггера, но скорее попыткой перенести фундаментальную аналитику в область психиатрии, являющейся естественнонаучной дисциплиной. В конечном итоге, то, что стали именовать «продуктивной ошибкой» Бинсвангера, действительно пошло на пользу его аутентичной концепции.

Несмотря на все оговорки Бинсвангера и критику в его адрес, экзистенциальный анализ – подлинно философская процедура. Анализируя «случай Эллен Вест», Бинсвангер сравнивает экзистенциальный анализ, психоанализ и психо-

патолого-клинический анализ. Во всех этих подходах центральной является жизненная история пациента (как подчеркивает Бинсвангер, это отличительная черта психиатрии как части медицины в противоположность другим естественным наукам). Однако психоанализ особое внимание уделяет миру сновидений и фантазий человека, в клиническом же анализе жизнеистория становится историей болезни, а феномены ее выражения – симптомами того, что за ними скрывается, то есть заболевания. Таким образом, на взгляд Бинсвангера, в психоаналитическом методе возникает перекося: мир сна и фантазии становится важнейшим, и картина, полученная в результате анализа, остается неполной. Психопатология, в свою очередь, обезличивает экзистенцию, превращая ее в нечто под названием «психика». «На место *переживания последовательности*... они [психология и психиатрия – В. Д.] ставят *последовательность переживаний* в душе, или в сознании» [3, с. 168].

Однако, как считает Бинсвангер, «стоит нам посмотреть на это с философской точки зрения, как эти проблемы исчезают» [3, с. 169]. За разделением человека, осуществленным европейской наукой, все же скрыто недоступное нам единство. «Такое представление, являющееся в действительности уже философским по сути, – это именно то представление, на которое опирается антропология, применяемая экзистенциальным анализом», – обобщает Бинсвангер [1, с. 53].

Все это недвусмысленно указывает на философскую сущность экзистенциального анализа, что отмечает и Джейкоб Нидлман в своем предисловии к переводу значимых работ Бинсвангера: «...это в высшей степени философский подход, и нужно понимать его именно таким образом, если мы в конечном счете хотим оценить его значимость для практической психологии и клинических вопросов» [10, с. 7].

Как отмечает Бинсвангер, одно из преимуществ экзистенциально-аналитического исследования заключается в том, что оно может позволить экзистенции самой говорить за себя. Это означает, что экзистенциальный анализ работает в основном с языковыми феноменами: «...содержание экзистенции нигде нельзя увидеть более ясно или более точно, чем в языке, именно в языке устраивается и оформляется наш миропроjekt, следовательно, именно там он может быть обнаружен и передан другим людям», – обобщает он [1, с. 14]. Описывая создание своего первого исследования в области экзистенциального анализа – случая Эллен Вест, – Бинсвангер сообщает, что обстоятельства были особенно благоприятны для анализа, так как он имел в своем распоряжении большое количество

письменных источников: самоописания, записи сновидений, дневники, стихотворения, письма и заметки.

Текстовые источники становятся для исследователя бесценным материалом, дающим ту информацию, которую зачастую очень сложно получить от пациента прямым опросом (например, в случае прогрессирующей шизофрении). Бинсвангер подчеркивает универсальность своего метода, говоря, что «феноменологическое знание используется независимо от того, имеем ли мы дело с литературным содержанием поэмы или драмы, с содержанием ответов в тесте Роршаха или с содержанием психотической формы экзистенции» [1, с. 4].

Такой подход наталкивает на мысль, что литературный источник и, в частности, герой автобиографического произведения может проиллюстрировать метод экзистенциального анализа, явив тем самым не медицинское описание случая заболевания, но наглядный пример использования экзистенциального анализа как метода исследования. Подобные попытки демонстрации метода экзистенциального анализа существуют в исследовательской литературе, однако они не очень распространены [6].

Отчасти вдохновляясь методом патографии, использованным Ясперсом в его анализе случаев Стриндберга и Ван Гога, мы хотели бы показать, что методы, подаренные различными направлениями психиатрии XX века, применимы в философских исследованиях. Однако, в отличие от патографического исследования, представляется оправданным сосредоточиться не на описании патологических проявлений или отклонений анализируемой личности, но на описании экзистенции, на вопросе «как?», который в экзистенциальном анализе Бинсвангера выходит на передний план. Понимание человеком того, как он существует, выявление априорной экзистенциальной структуры является целью экзистенциального анализа. Нам кажется возможным предпринять попытку такого понимания со стороны, обратившись к литературному персонажу.

Предметом дальнейшего рассмотрения является персонаж автобиографических произведений Эдуарда Лимонова. Лимонов не раз прибегал к автобиографическому жанру (это можно назвать основным жанром его произведений), однако мы не беремся судить, насколько персонаж его романов и рассказов, носящий его же имя, имеет отношение к реальной фигуре и насколько совпадают факты их биографии. Мы не сопоставляем события жизни героя и автора и не пытаемся подтвердить или опровергнуть правдоподобность истории, изложенной писателем в своих произведениях. В целях исследования уместно обратиться исключительно к литературному персонажу и излагать жизненную историю исключительно на основании рассказа этого персонажа о себе.

В самой структуре существования как бытия-в-мире Бинсвангер выделяет следующие части: 1) способы создания и построения мира (способы миропроектов); 2) способы существования как «я» (самоутверждение); 3) способы трансценденции (действие, мышление, творческий акт, желание). Сообразно этому, экзистенциальный анализ сводится к исследованию и описанию того, как различные «психические болезни» конституируют мир, утверждают свое «я» и действуют. Замечая, что пространственные и временные характеристики существования принципиально важны для экзистенциального анализа, Бинсвангер определяет тактику:

«Мы... должны установить определенный тип пространственных и временных характеристик, освещения и цвета; текстуру или материал и род перемещения того миропроекта, к которому направлена данная форма экзистенции или его индивидуальная конфигурация» [4, с. 14].

Проводя экзистенциальный анализ, Бинсвангер обращается к отношениям человека с самим собой и с окружающим миром; вычленяет и восстанавливает миры, которые анализируемый пациент строит вокруг себя; разбирает способы действия человека и его отношения с каждым таким миром.

Следуя намеченному Бинсвангером пути, обратимся к самому известному роману Эдуарда Лимонова «Это я – Эдичка», написанному в Нью-Йорке в 1976 году и впервые опубликованному во Франции в 1980-м, а в России отдельным изданием – только в 1991 году [8]. Роман повествует о первом периоде жизни Лимонова в Америке – 1974–1976 годах. Он переехал в США с женой Еленой, которая, однако, вскоре оставила его. Лимонов тяжело переживает разрыв с ней и на ближайшие пару лет его жизнь превращается скорее в бесконечные скитания. Не углубляясь в подробное описание истории героя этого периода его жизни, сводящееся к пересказу романа, попытаемся, однако, наметить начало пути, по которому пойдет экзистенциальный анализа персонажа.

Как отмечает Бинсвангер, каждый человек живет в нескольких мирах: это не только окружающий мир (Umwelt) и общий с другими людьми мир (Mitwelt), но и собственный мир человека (Eigenwelt). На наш взгляд, в собственном мире человек может конструировать несколько разных миров и сообразно с ними проектировать различный образ себя и осуществлять различные тактики действия. Так, например, в случае пациентки Бинсвангера Эллен Вест, этими мирами становятся эфирный мир, мир-могила и мир практического действия [3].

Анализируя самописание Лимонова в романе, мы можем выделить три разных его мира: мир рабочих и слуг, мир богатых и знаменитых, мир воинов и революционеров. К первому миру – рабочих и слуг – Лимонов вынужденно

принадлежит в своей американской жизни. Он небогат, после увольнения из «Нового русского слова» (в романе – «Русское дело») и расставания с женой он переезжает в дешевый отель в неблагополучном районе в центре Нью-Йорка, получает пособие по безработице и перебивается случайными заработками – работает то младшим сотрудником (басбоем) ресторана, то грузчиком. Для этого мира характерны свои пространственные и временные характеристики: подобная работа тяжела физически, связана с постоянным напряжением и «беготней». Все нужно делать быстро, на бегу, в поте лица. На рабочую смену в ресторане Лимонов вставал рано, в половину шестого утра, шел пешком ровно шесть минут, спускался по ступенькам вниз – при этом ему в лицо ударял запах мусора, потом поднимался на лифте в ресторан. Работали в отеле в основном мигранты – греки, кубинцы, китайцы, аргентинцы, испанцы. Будучи грузчиком в компании, предлагавшей услуги по переездам, он также имел дело в основном с эмигрантами, но на этот раз из Советского Союза. Жизнь в таком мире характеризуется повышенной скоростью, направление движения – вниз, по лестнице, в подвал, в серость. В этом мире герой, очевидно, чувствует себя несчастным.

Существует и другой мир – богатых и знаменитых: миллионеров, звезд, художников, писателей, моделей и светских львиц. Возможность прикоснуться к этому миру изредка появляется у Лимонова благодаря Алексу и Татьяне Либерманам (в романе – Гликерманы), которые расположены к талантливым эмигрантам. В этом мире нет спешки и «свистопляски», его обитатели никуда не торопятся, направление их движения – вверх: по социальной лестнице; на самолете в путешествие; в лифте дома, несущем к дорогим ресторанам, пентхаусам и роскошным квартирам. Этот мир куда более освещен и ярок, чем предыдущий. Сам Лимонов ощущает, что «обязан» проникнуть в этот мир и «показать им всем». Он принадлежит к этому миру – может быть, и не по праву рождения, но по праву таланта. Он должен жить так, как они, быть рядом с роскошными женщинами, пить лучшие напитки и обладать всеми атрибутами жизни избранных.

Однако существует еще и третий мир. В романе он проявляется еще сумрачно, однако при более подробном анализе становится ясно, что именно этот мир является для героя подлинным. Мир революционеров, воинов, бойцов – людей еще более избранных, чем богачи, – привлекает Лимонова своей аутентичностью. Герой стремится к обретению идентичности, «борется с самоубийственными тенденциями и желаниями в себе самом, с муками от них освобождается, формирует из себя новую личность. Герой жить решает...» [7, с. 381]. Вооружившись, бороться с «системой» и несправедливостью кажется Лимонову куда более важным и настоящим делом, чем достигать земных благ.

Направление движения в этом мире – также вверх: в горы, на крышу с винтовкой. Мир раскрашен яркими цветами: например, красный как символ Рабочей партии, к которому Лимонов в поиске истины на какое-то время примкнул, однако по-настоящему сблизиться с ними не смог: они считали его анархистом, а он их «мелкобуржуазным кружком» и «организацией интеллигентов». Созвучного ему духа революционности Лимонов в партии не нашел.

Выводы

Проведенный анализ не претендует на полноту и последовательное воспроизведение метода Бинсвангера, поскольку является анализом «вымышленного» героя, основанным на автобиографических литературных произведениях, описывающих события некоторых эпизодов его жизни. Но для последовательного использования этого метода в философском исследовании необходимо обратиться к полной жизненной истории героя, восстановив ее на основании цикла его автобиографических произведений. Согласно Бинсвангеру, только изучив жизнеисторию максимально подробно и отрешившись от любых оценок, возможно найти те самые априорные экзистенциальные структуры, лежащие в основе опыта анализируемого человека – в нашем случае литературного персонажа.

Таким образом, мы видим, что в данном случае метод экзистенциального анализа Бинсвангера приложим и к философскому анализу литературы. Используя его так, мы, естественно, не проводим литературное исследование, но, следуя за Бинсвангером, углубляемся в изучение человека. Оно не дает нам антропологических открытий, но помогает продвинуться в ответе на вопрос: что такое человек.

Список литературы

1. Бинсвангер Л. Безумие как феномен жизне-истории и как психическое заболевание. Случай Ильзы // Бинсвангер Л., Кун. Р. Экзистенциальный анализ / пер. под ред. С. Римского. 2-е изд., перераб. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. – С. 31–56.
2. Бинсвангер Л. Бытие-в-мире / пер. с англ. Е. Сурпиной; науч. ред. С. П. Куликов. – М.; СПб.: КСП+; Ювента, 1999. – 299 с.
3. Бинсвангер Л. Случай Эллен Вест. Антропологически-клиническое исследование // Бинсвангер Л., Кун. Р. Экзистенциальный анализ / пер. под ред. С. Римского. 2-е изд., перераб. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. – С. 57–207.
4. Бинсвангер Л. Экзистенциально-аналитическая школа мысли // Бинсвангер Л., Кун. Р. Экзистенциальный анализ / пер. под ред. С. Римского. 2-е изд., перераб. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. – С. 3–29.

5. Власова О. А. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. – М.: Территория будущего, 2010. – 639 с.
6. Денискова Е. «Побег в сумасшествие» через призму экзистенциального анализа Л. Бинсвангера: случай Ивана Карамазова // Экзистенциальная традиция: философия, психология, психотерапия. – 2011. – № 18. [Электронный ресурс]. – URL:http://journal.existradi.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=811:2011-10-15-22-05-28&catid=87:-18-2011&Itemid=59 (дата обращения: 10.01.2022).
7. Лимонов Э. История его слуги. – СПб.: Амфора, 2007. – 398 с.
8. Лимонов Э. Это я – Эдичка. – М.: Глагол, 1991. – 334 с.
9. Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л. Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире / пер. с англ. Е. Сурпиной; науч. ред. С. П. Куликов. – М.; СПб.: КСП+; Ювента, 1999. – С. 17–132.
10. Нидлман Дж. Предисловие // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире / пер. с англ. Е. Сурпиной; науч. ред. С. П. Куликов. – М.; СПб.: КСП+; Ювента, 1999. – С. 7–8.
11. Фуко М. Введение к: Бинсвангер Л. Сон и существование // Фуко М. Ранние работы / пер. с фр. О. А. Власовой. – СПб.: Владимир Даль, 2015. – С. 83–196.
12. Spiegelberg H. Phenomenology in Psychology and Psychiatry: A Historical Introduction. – Evanston, IL: Northwestern University Press, 1972. – 411 p.

References

1. Binsvanger, L. (2017a). Bezumie kak fenomen zhizne-istorii i kak psihicheskoe zabolevanie. Sluchaj Il'zy [Madness as a life-history phenomenon and as a mental illness. Ilsa's case], in: Binsvanger L., Kun. R. *Ekzistentsial'nyj analiz* [Existential analysis]. Moskva: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. pp. 31–56. (In Russian).
2. Binsvanger, L. (1999). *Bytie-v-mire* [Being-in-the-World]. Moskva; Sankt-Peterburg: KSP+; Yuventa. 299 p. (In Russian).
3. Binsvanger, L. (2017b). Sluchaj Ellen Vest. Antropologicheskoe i klinicheskoe issledovanie [Ellen West's case. Anthropological and clinical research], in: Binsvanger L., Kun. R. *Ekzistentsial'nyj analiz* [Existential analysis]. Moskva: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. pp. 57–207. (In Russian).
4. Binsvanger, L. (2017c). Ekzistentsial'no-analiticheskaya shkola mysli [Existential-analytical school of Thought], in: Binsvanger L., Kun. R. *Ekzistentsial'nyj analiz* [Existential analysis]. Moskva: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy. pp. 3–29. (In Russian).
5. Vlasova, O. A. (2010). *Fenomenologicheskaya psikiatriya i ekzistentsial'nyj analiz: istoriya, mysliteli, problemy* [Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers, problems]. Moskva: Territoriya budushchego. 639 p. (In Russian).
6. Deniskova, E. (2011). “Pobeg v sumasshestvie” cherez prizmu ekzistentsial'nogo analiza L. Binsvangera: sluchaj Ivana Karamazova [“Escape to Madness” Through the prism of L. Binswanger's existential analysis: the Ivan Karamazov case]. *Ekzistentsial'naya traditsiya: filozofiya, psihologiya, psihoterapiya* [Existential tradition: philosophy, psychology, psychotherapy]. No. 18. [Elektronnyj resurs]. URL: http://journal.existradi.ru/index.php?option=com_con

Философская антропология, философия культуры
Philosophical anthropology, philosophy of culture

tent&view=article&id=811:2011-10-15-22-05-28&catid=87:-18-2011&Itemid=59 (data obrashcheniya: 10.01.2022). (In Russian).

7. Limonov, E. (2007). *Istoriya ego slugi* [His butler's story]. Sankt-Peterburg: Amfora. 398 p. (In Russian).

8. Limonov, E. (1991). *Eto ya – Edichka* [It's me, Eddie]. Moskva: Glagol. 334 p. (In Russian).

9. Nidلمان, Dzh. (1999). Kriticheskoe vvedenie v ekzistentsial'nyj psihoanaliz L. Binsvanger [A critical introduction to Ludwig Binswanger's existential psychoanalysis], in: Binsvanger, L. *Bytie-v-mire* [Being-in-the-World]. Moskva; Sankt-Peterburg: KSP+; Yuventa. pp. 17–132. (In Russian).

10. Nidلمان, Dzh. (1999). Predislovie [Introduction], in: Binsvanger, L. *Bytie-v-mire* [Being-in-the-World]. Moskva; Sankt-Peterburg: KSP+; Yuventa. pp. 7–8. (In Russian).

11. Fuko, M. (2015). Vvedenie k: Binsvanger L. Son i sushchestvovanie [Introduction to: Binswanger L. Dream and existence], in: Fuko M. *Rannie raboty* [Early papers]. Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. pp. 83–196. (In Russian).

12. Spiegelberg, H. (1972). *Phenomenology in psychology and psychiatry: A historical introduction*. Evanston, IL: Northwestern University Press. 411 p.

Об авторе

Дементьева Вера Викторовна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: vera.dementeva@gmail.com

About the author

Vera V. Dement'eva, post-graduate student, Saint-Petersburg State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, e-mail: vera.dementeva@gmail.com

Поступила в редакцию: 12.01.2021

Received: 12 January 2022

Принята к публикации: 07.02.2022

Accepted: 07 February 2022

Опубликована: 10.03.2022

Published: 10 March 2022